

Непрочитанные книги умеют мстить

Когда утром (по-нашему вечером) я позвонил Рэю Брэдбери в Лос-Анджелес, великий фантаст только что закончил смотреть теленовости и собирался выпить стакан апельсинового сока перед ленчем.

На вопрос, не помешал ли звонок из России утренней гимнастике, мистер Брэдбери сказал, что «этим, знаете ли, занимается моя жена, а я предпочитаю на нее поглядывать и читать газеты».

— Ну, я не буду начинать с того, что вас в России все знают, любят и читают...

— Да, мне об этом уже говорил Михаил Горбачев во время одного из своих визитов в Америку.

— Может, вы рискнете спрогнозировать ближайшее будущее того, что еще недавно было Советским Союзом?

— Вам, находясь там, конечно, это проще сделать. Но, я уверен, вы достаточно болезненно переживаете зиму, и наша страна вам в этом поможет.

— Что вы думаете о марксизме? В двадцатом веке называли Маркса непревзойденным фантастом.

— Ну во всяком случае нашлись люди, которые отнесли к его «фантастике» методологически и даже что-то натворили. Марксизм, по моему, закончился, вам не кажется? По крайней мере умерло то, что понимали под этим словом те, кто называл Маркса фантастом. Беда Маркса в том, что он считал, будто знает секреты построения безупречного общества. А их никто не знает. Может, потому и безупречных обществ нет? Если бы мы в США знали чего-нибудь эдакое, не было бы у нас безработицы. Что там говорить! У нас в стране не знают, как тратить деньги, и придумали налоги. У вас не знают, откуда их брать... Все мы по уши в проблемах.

— В августе 92-го вам исполнился семьдесят два. Что сегодня вы можете назвать самым крупным успехом в вашей жизни и что — неудачей?

— Я прожил замечательную, чудесную, удивительную жизнь и, честное слово, жалеть мне не о чем. Мой самый большой успех — мое творчество. Я написал 25 книг, 300 рассказов, 30 пьес, подготовил 60 телесериалов... Я и сейчас не могу и не хочу бросать писать. В мае, к примеру, еду в Прагу на премьеру моей оперы «451° по Фаренгейту»... А неудач было мало.

— Изменился ли человек со времени рождения Христа, за последние несколько веков и, скажем, в последние двадцать пять лет?

— В чем-то человек стал лучше. Волей-неволей я стану добрее, если для того, чтобы добыть семье чего-нибудь пожевать, мне не понадобится выбирать на мороз и лезть с дубьем на горного козла, а будет достаточно снять трубку и заказать клубнику со льдом! Но стал ли человек разумнее? Отнюдь! Как устраивал войны черт знает за чем, так и продолжает в том же духе. Даже если заранее

знает, что войну проиграет.

— Что вы читаете помимо фантастики?

— Я влюблен в фантастику, ибо «вырос, читая Уэллса. Обожаю Роберта Хайнлайна, Айзека Азимова, Жюль Верна. А вообще мне нравится Чарльз Диккенс, Джордж Бернард Шоу, Толстой, Достоевский. С удовольствием читаю пьесы Мольера, Хайку, Шекспира.

— Вы Шекспира читаете в подлиннике? Или в «адаптированных» брошюрах?

— Конечно, в подлиннике. Хотя язык, бесспорно, чертовски труден. Аристократы XVII века — что с них возьмешь?

— Вы верующий человек?

— Я верю во Вселенную. В ее непознанную и непознаваемую непредсказуемость. Это же с ума сойти! Само ее существование является фактом нелогичным и сверхъестественным! Она невозможна, но она есть. Вы можете своим интеллектом осознать, что это такое? Я нет. И не верьте тому самовлюбленному снобу, который скажет, что может.

— Вам нравится жанр социальной фантастики? Скажем, как вы относитесь к книге Оруэлла «1984 год»?

— Это замечательный жанр, и сам Бог велел мне к нему так относиться, ибо я тоже писал в этом жанре. «451° по Фаренгейту» и книга Оруэлла — вам не кажется, что у них много об-

щего? Идея — та же, и даже фабулы похожи. В американских университетах Оруэлл преподается только параллельно с Брэдбери, считается, что мы дополняем друг друга. Происходило ли то, о чем я писал в этой книге, в жизни? Сотни раз. Три раза сжигали книги в Александрийской библиотеке еще тысячу лет назад. Потом — в гитлеровской Германии, в Китае, в России, в Ирландии уже сейчас. Все страны пережили это, ибо во всех странах были тупые правители. Когда правитель чувствует свое интеллектуальное бессилие, он сжигает книги. Мы знаем, что это гнусно. А мы все жжем и жжем...

— Какое событие XX века вы считаете самым фантастическим?

— Без сомнения, приземление астронавтов на Луне в 69-м. Мы думали, что не сможем это сделать. Все думали, и вы думали, что мы не сможем! А мы сделали. И, я уверен, не пройдет и тридцати лет, как мы высадимся на Марсе. И вы, в России, будете в этом деле с нами. Я ни секунды не сомневаюсь, что так будет. Помяните мое слово. Сохраните экземпляр газеты с этим интервью и покажите его году эдак в 2017 вашему сыну. Он оценит справедливость моего прогноза.

— Психологи мира считают, что и Америка, и Европа сейчас возвращаются к «ста-

рым добрым ценностям», становятся консервативнее, respectablee после «революции шестидесятых». Куда же мы идем — вперед, в прошлое, или назад, в будущее?

— Мы вертимся в круговороте либерального и консервативного импульсов. Я либерал и, возможно, во многом избаловал своих четырех дочерей и семерых внуков. Но я счастлив, что мы верим и живем такими «старыми» ценностями, как любовь, дружба, верность.

— Уэллс в свое время назвал Ленина «величайшим мечтателем нашего времени». Как бы вы назвали сегодня Михаила Горбачева?

— Это один из самых великих людей, вообще когда-либо существовавших, и вы ему еще долго должны быть благодарны за те возможности, которые он перед вами открыл. Я ставлю его имя в ряд с такими фамилиями, как Черчилль, де Голль...

— Где, по-вашему, стоит искать самое спокойное место в этом «безумном» мире?

— Внутри самого себя. Вы можете глотнуть от рева моголов в центре Москвы или Лос-Анджелеса, где, как известно, самое крутое движение в мире, и испытывать чувство абсолютного душевного покоя и равновесия. И, наоборот, если ваша голова ломится от мусора проблем, вас не спасет даже необитаемый остров в сотне миль к югу от Гавайских островов.

— Вы, как «творец» старшего поколения, должны не признавать компьютер. А как фантаст — относиться к нему, как к своему детищу. На чем вы создаете свои труды?

— Да, я не очень-то доверяю компьютеру и печатаю на «старушке» машинке «Ай-Би-Эм». Сто двадцать слов в минуту. Оценили?

— Последний вопрос. Где вы справляли Рождество и Новый год?

— Все праздники я провел здесь, в Лос-Анджелесе, с семьей. 1 января ходил с приятелем на футбол (американский). — С. К.)

— Да, чуть не забыл. Знаете, что вам, как фантасту, следовало изменить в своей замечательной Америке? Намекнуть в одном из рассказов, что, мол, неплохо было бы Штатам перейти к метрической системе измерения расстояний. Во всем мире — километры, а у вас — мили! Нерационально!

— Тут, увы, я могу оказаться бессилен. Упрямая мы, американцы, нация, любим быть оригинальными...

Беседовал Станислав КУЧЕР.